И 254/396

254
396

Евг. Я. Всеволожская.

801-87
9197-0

ОЧЕРКИ
КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА

Самарскаго уѣзда.

МОСКВА.
Высочайше утвер. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Петровка, д. Левенсонъ.
1895.

(Изъ XXIV кн. «Этнографическаго Обозрѣнія»).

2007042232

И 254/396

А. И. Россолимо.

4934-43

ОЧЕРКИ КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА

Самарскаго уѣзда.

Населеніе Самарскаго уѣзда разнообразно, благодаря большому количеству переселенцевъ, по преимуществу изъ западнаго и юго-западнаго края: хохлы, поляки, литвины живутъ въ смежныхъ селеніяхъ; встрѣчаются поселки отставныхъ солдатъ, нѣмецкія колоніи, татарскія, мордовскія и чувашскія деревни. Всѣ упомянутые поселенцы сохраняютъ вѣроисповѣданіе и обычаи мѣстъ, откуда они пришли. Коренное населеніе состоитъ изъ крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ, еще въ прошломъ столѣтіи переселенныхъ своими помѣщиками въ Самарскую губернію изъ различныхъ мѣстъ центральной Россіи; съ теченіемъ времени они выработали обычаи, общіе для всего крѣпостного населенія этой губерніи, но такъ какъ среди нихъ много старообрядцевъ всевозможныхъ толковъ, то и въ нравахъ явилась нѣкоторая разница.

Въ этомъ очеркѣ мною собраны нѣкоторыя черты изъ жизни православнаго населенія. При собираніи свѣдѣній мнѣ пришлось ограничиться небольшимъ райономъ, заключающимъ въ себѣ нѣсколько селъ и деревень. Благодаря удаленности этой мѣстности отъ губернскаго города (въ 130 вер. отъ Самары) и отъ желѣзной дороги (въ 70 вер.), населеніе наиболѣе сохранило нравы прежней патріархальной жизни; вся обрядность на свадьбахъ, похоронахъ, пѣсни, примѣты и суевѣрія оберегаются стариками и женщинами, передаются изъ рода въ родъ и горячо отстаиваются. Мужчины менѣе дорожатъ стариною, въ особенности молодое поколѣніе, развивающееся подъ вліяніемъ грамоты, и солдаты, вносящіе въ деревню нравы и понятія городской жизни.

Занятіе здѣшняго крестьянина исключительно земледѣліе; населеніе довольно зажиточное; большинство не довольствуется своимъ

надѣломъ и арендуетъ землю у сосѣднихъ землевладѣльцевъ; сѣютъ рожь, пшеницу, овесъ, полбу; часть хлѣба продаютъ, а себѣ оставляютъ прокормиться до нови, въ крайности до весны. Рядъ неурожайныхъ годовъ тяжело отозвался на населеніи, разоривъ многихъ крестьянъ. Возможность заработка у сосѣда-помѣщика, а зимою извозъ хлѣба служитъ немалымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ.

У женщинъ еще сохранился старинный костюмъ: сарафанъ изъ синей пестрядины, съ густыми складками позади; на спинѣ проймы (щепеть) обшиты позументомъ; спереди рядъ металлическихъ пуговицъ; поверхъ сарафана яркій ситцевый фартукъ съ оборкой; на подолѣ фартука нашиты въ нѣсколько рядовъ узкія полоски изъ разноцвѣтныхъ ситцевъ. Голову поверхъ повойника повязываютъ краснымъ платкомъ; старухи носятъ темные цвѣта; дѣвушки въ праздничные дни надѣваютъ головной уборъ—ленту съ бисерной сѣткой—„поднизочкой“, спускающейся на лобъ. Мужская одежда дѣлается изъ домашнихъ цвѣтныхъ холстовъ, а армяки, кафтаны и др. верхнее платье, за исключеніемъ шубъ, изъ толстаго, коричневаго домашняго сукна. Въ послѣднее время цвѣтные холсты начинаютъ замѣняться ситцами, а сарафанъ платьемъ городского покроя.

Въ большинствѣ случаевъ слывутъ „богатѣями“ и живутъ зажиточно тѣ изъ крестьянъ, которые не дѣлятся, живутъ большими семьями, иногда человѣкъ по 25—30. Семей такихъ осталось уже немного. Порядокъ и благоустройство держатся въ нихъ безпрекословнымъ подчиненіемъ всѣхъ членовъ семьи главѣ дома—«отцу и хозяину» и матери—«хозяйкѣ». Себѣ въ помощники хозяинъ беретъ одного изъ сыновей, болѣе энергичнаго, не всегда старшаго; его зовутъ «большакомъ», а жена его «большуха»—помощница хозяйки. На обязанности хозяйки лежитъ распредѣленіе работъ женщинамъ и стряпня у печи, въ чемъ ей помогаетъ большуха. Снохи и дочери обязаны принести стряпухамъ воды, дровъ, убирать скотину и исполнять другія работы по хозяйству. Лѣтомъ, когда женщины уходятъ на работы въ поле, дома остается только хозяйка и на ея попеченіи малыя дѣти. Хозяинъ распредѣляетъ работы и расходы; въ его рукахъ находятся всѣ деньги, зарабатываемыя семьею, и въ расходованіи ихъ никто не имѣетъ права требовать у него отчета. На старость онъ прикапливаетъ

себѣ казну, скрывая ее обыкновенно отъ семьи и зарывая деньги въ подполье въ землю. Если онъ не распредѣлилъ при жизни своихъ сбереженій, то послѣ его смерти наслѣдники начинаютъ разыскивать казну, которая иногда безслѣдно пропадаетъ. Названіе клада облекаетъ таинственностью искомое наслѣдство, и случалось, что въ этихъ поискахъ на наслѣдниковъ нападалъ такой суевѣрный страхъ, вызывавшій въ ихъ воображеніи живые фантастическіе образы, что они бросали всѣ розыски. Такимъ образомъ, создались нѣкоторые разсказы о злыхъ духахъ и привидѣніяхъ, охраняющихъ клады и мѣшающихъ брать ихъ. Бываетъ, что кто-нибудь изъ семьи выкрадетъ казну ранѣе, и потому всѣ розыски наслѣдниковъ остаются безъ успѣха.

За исключеніемъ хозяина, всѣ члены семьи не имѣютъ личной собственности; какъ трудъ ихъ, такъ и заработанныя деньги всецѣло принадлежатъ семьѣ. Утаить изъ получки или купить подарокъ женѣ считается зазорнымъ, какъ-бы воровствомъ изъ общаго капитала, и вызываетъ ссоры. Получки распредѣляются хозяиномъ на нужды домочадцевъ, на сѣвъ, аренду, покупку скотины, посуды и др. вещей для хозяйства. Верхняя одежда: тулупы, армяки, зипуны, валенки идутъ изъ семьи для всѣхъ ея членовъ, а также расходы по свадьбамъ, похоронамъ, крестинамъ, пріемъ и угощеніе родственниковъ и знакомыхъ. Снохѣ, вступающей въ семью, разрѣшается имѣть свою «со́бенну», т. е. отдѣльное имущество, состоящее изъ скотины, 2—3 овецъ, или телки, которыхъ она послѣ свадьбы получаетъ въ подарокъ отъ своихъ родныхъ, или отъ свекра и свекрови. Эта «собенна» и деньги, собранныя ею на свадьбѣ, составляютъ ея оборотный капиталъ; изъ него она должна одѣвать не только себя, но и мужа и дѣтей. Трудъ женщины все время года принадлежитъ семьѣ, за исключеніемъ праздничныхъ дней, въ которые она имѣетъ право поденщиной заработать деньги на свою собенну.

Большія семьи держатся обыкновенно до смерти отца; послѣ его смерти мать уходитъ къ одному изъ сыновей, который и получаетъ на ея долю нѣсколько бо́льшую часть наслѣдства. Дѣлятся по жребію; кому выйдетъ домъ, тотъ получаетъ меньшую долю въ скотинѣ и деньгахъ. Матери даютъ право выбрать себѣ, что она пожелаетъ: изъ скотины и изъ имущества. По смерти матери, собственность ея, состоящая изъ коробьи (сундука), хол-

стовъ и различной женской одежды, переходитъ къ дочерямъ. Въ семьяхъ, гдѣ еще держится уваженіе къ старшимъ, послѣдняя воля имѣетъ большое значеніе; если умирающій отецъ объявилъ семьѣ свое распоряженіе, стыдомъ считается не исполнить его, а также обидѣть мать при раздѣлѣ.

Насколько въ однихъ семьяхъ держится уваженіе къ родителямъ, настолько въ другихъ на нихъ смотрятъ, какъ на обузу, въ особенности, если годы сдѣлали стариковъ неспособными къ работѣ и безсильными держать семью въ страхѣ и повиновеніи. Въ бѣдныхъ семьяхъ чаще встрѣчается плохое отношеніе къ родителямъ, особенно къ матери. Выдѣлы изъ семьи одного изъ сыновей происходятъ и при жизни отца, также и полные раздѣлы, при чемъ отецъ выбираетъ, кому остаться съ нимъ въ домѣ, и это считается для избраннаго честью. Солдаты, возвратившись со службы, рѣдко остаются въ семьѣ. Очень часто причиною раздѣловъ служатъ женскія ссоры и неурядицы. На случай раздѣла, богатыя семьи заранѣе строятъ лишнія избы. При постройкѣ закидываютъ подъ матицу или въ передній уголъ шерсть (для разводки скотины) и деньги (для богатства). Переходъ въ новый домъ сопровождается обычаями и повѣріями. Домовой считается охранителемъ благосостоянія и покровителемъ скотины; является онъ въ видѣ чернаго звѣрка, похожаго на кошку, потому принято въ каждомъ домѣ имѣть кошку для домового; при переходѣ на новое мѣсто въ обычаѣ «зазывать домового». Послѣ общей молитвы и родительскаго благословенія, хозяйка начинаетъ выть (плакать) и причитаетъ уходящему сыну: «милое мое дитятко, не къ празднику я тебя снаряжаю, а на вѣчное житье». А сноха беретъ въ руки кошку и выходитъ съ нею во дворъ зазывать домового и громко кличетъ 3 раза: «милый дѣдушка, родимый, айда съ нами на вѣковѣчную! Наканунѣ свекровь и сноха затѣваютъ по квашнѣ. Послѣ благословенія берутъ образъ, кочета (пѣтуха), кошку, обѣ квашни *) и идутъ въ новый домъ. Квашню, затѣянную снохою, свекровь уноситъ къ себѣ домой, а свою оставляетъ на новоселье. (Примѣта, чтобы хлѣбородъ былъ въ обѣихъ семьяхъ).

Характерныхъ фамилій не встрѣчается: Макаровы, Панины, Киселевы, Горлановы, Тяжовы. Существуютъ фимиліи изъ про-

*) Подъ квашнею подразумѣвается самое тѣсто.

звищъ, напр. Кривоноговъ, или самыя прозвища; такъ семью Новичковыхъ зовутъ Улитиными, по матерѣ Улитѣ, отличавшейся своей энергіей и дѣловитостью. Паниныхъ зовутъ Павловыми по имени дѣда, всѣми уважаемаго въ селѣ; подобныя прозвища связаны также иногда съ памятью о людяхъ особенно порочныхъ. Зять, вступившій въ семью, если вдобавокъ онъ пришлый изъ другой мѣстности, прозывается по фамиліи тестя.

Однообразная трудовая жизнь крестьянина скрашивается праздниствами, среди которыхъ главное мѣсто занимаютъ свадьбы; большинство ихъ совершается послѣ Покрова, по окончаніи работъ и уборки хлѣба; вѣнчаніе происходитъ по опредѣленнымъ днямъ: по воскресеньямъ или понедѣльникамъ. Свадьбы въ богатыхъ семьяхъ обставляются наибольшей обрядностью; предшествуетъ вѣнчанію цѣлая недѣля вечеринокъ, «вечорокъ» для парней и дѣвушекъ, подругъ невѣсты. Послѣ вѣнчанія вся родня гуляетъ и пируетъ нѣсколько дней.

Дѣвушки выходятъ замужъ между 16 и 22 годами. Случается, что и 25-лѣтнюю просватываютъ, но не иначе, какъ за вдовца. Парень женится не ранѣе 18 лѣтъ, или солдатомъ, по возвращеніи со службы. Родители дѣвушки и парня сговариваются повѣнчать своихъ дѣтей иногда за 2—3 года до свадьбы. Если дѣвушка воспротивится выбору родителей, то ее принуждать не станутъ, чтобы въ будущемъ не винила она родителей въ своей горькой долѣ. Такіе случаи рѣдки, такъ какъ дѣвушекъ просватываютъ очень молодыми и онѣ подчиняются волѣ родительской. Тайныхъ свадебъ и увоза невѣсты не бываетъ, но случается, что, получивъ согласіе матери, вѣнчаются тайно отъ отца невѣсты. Причиною такихъ свадебъ служитъ влеченіе молодыхъ людей другъ къ другу, а препятствіемъ личная вражда между родителями жениха и невѣсты, или разница въ матеріальномъ положеніи; въ случаѣ примиренія съ обманутымъ отцомъ, наступаютъ гулянья и пирушки. Не принято, чтобы женихъ приходилъ въ домъ къ невѣстѣ, даже въ тѣ праздники, когда его родители угощаются у ея отца; только за недѣлю до свадьбы онъ со своими товарищами является на вечорки. Сближеніе молодыхъ людей происходитъ отъ частыхъ встрѣчъ на гулянкахъ на улицѣ; положеніе нареченныхъ даетъ имъ право гулять вмѣстѣ, а такъ какъ просватываютъ за 2—3 года, то подобное сближеніе молодыхъ людей очень плохо отзывается на

нравственности. Случается, что свадьбы расходятся, а дѣвушка несетъ на себѣ всю тяжесть послѣдствій излишняго сближенія и осужденіе, въ то время какъ парень ничего не теряетъ во мнѣніи окружающихъ. Такую дѣвушку выдаютъ въ другую деревню или село, въ болѣе бѣдную семью, или за вдовца. Если парень изъ чужой деревни позволитъ себѣ излишнее ухаживанье за дѣвушкой, то молодежь вступается за свою односельчанку и расправляется съ нимъ, иногда очень жестоко.

Для сватовства установлена условная форма, и такъ какъ оно почти всегда предвидѣно, то, когда являются родители жениха въ домъ невѣсты, все уже приготовлено къ ихъ пріему. Сваты садятся подъ матицей и начинаютъ разговоръ въ аллегорической формѣ, напр.: «У васъ бѣлъ ленокъ, а у насъ ковылокъ: хорошо бы ихъ соединить!» Или: «У васъ товаръ, а у насъ купецъ: не продадите-ли?» Если сватаютъ за годъ и болѣе, то отвѣчаютъ, что товаръ еще не доспѣлъ до дѣла, можно и повременить. Затѣмъ идутъ въ чуланъ*), гдѣ сидитъ невѣста, спросить ея согласія. Когда сватаютъ неподходящаго, неожиданнаго жениха, то прямо не отказываютъ, что равносильно обидѣ, а отговариваются молодостью невѣсты и нежеланіемъ выдавать ее въ этотъ годъ. Въ случаѣ взаимнаго соглашенія рядятся въ кладкѣ. Кладкою называются расходы жениха по свадьбѣ, угощенію и подарки невѣстѣ. Состоитъ кладка изъ слѣд.: водки 2—3 ведра и болѣе; иногда вышиваютъ на 70—80 руб.; баранины 2—3 пуда; невѣстѣ башмаки и валенки. Если родители невѣсты небогатые, то выговариваютъ на пиво 2—3 пуда муки и 1 пудъ солоду, а невѣстѣ шубу.

Свадьба состоитъ изъ трехъ періодовъ: 1) *запой*, на которомъ происходитъ рукобитіе; онъ назначается черезъ нѣсколько дней послѣ сватовства; 2) *оповѣщеніе* за недѣлю до вѣнчанія, и 3) *обрученіе*, собственно самое вѣнчаніе, такъ какъ предварительное обрученіе и обмѣнъ кольцами не въ обычаѣ.

Смотрятъ крестьяне на женщину, какъ на рабочія руки; сильная, здоровая дѣвушка, хорошая работница, выходя замужъ, будетъ пользоваться въ новой семьѣ лучшимъ положеніемъ, чѣмъ другая сноха, непроворная или болѣзненная. Этимъ взглядомъ

---

*) Чуланъ—крошечная комнатка, отгороженная отъ горницы.

на женщину обусловливается и самый обычай пропиванія невѣсты и угощенія ея родни со стороны жениха. Отсюда названіе запоемъ того дня, въ который объявляютъ свадьбу, и поговорка: отецъ жениха говоритъ отцу невѣсты: «я тебя пою до вѣнца, а ты меня до конца», т. е. до конца жизни. До вѣнчанія роднѣ жениха приходится искать расположенія родныхъ невѣсты, но разъ она вступила уже въ новую семью, ея родители, чтобы жилось ей лучше, постараются ладить со свекромъ и свекровью. За богатаго жениха дѣвушка не стремится выходить, такъ какъ въ богатыхъ семьяхъ хозяйство большое, замучатъ на работѣ, и молодухи первое время не выдерживаютъ и заболѣваютъ отъ непосильнаго труда. «У свекра деньги на крестѣ, а у снохи грязь на хвостѣ», говоритъ пословица. Предпочитаютъ выходить въ небольшую семью, чтобы снохъ было немного, меньше ссоръ и сплетенъ, а главное были бы добрые, справедливые люди.

Дѣвушка съ 12 лѣтъ сама начинаетъ заготовлять себѣ приданое. Она копитъ деньги, какъ подаренныя, такъ и заработанныя (по воскресеньямъ она имѣетъ право работать на себя и идетъ на поденщину къ сосѣду-помѣщику); на нихъ она покупаетъ ситцы, вяжетъ варежки, чулки, шарфы себѣ и будущему суженому. Мать съ своей стороны копитъ для дочерей холсты и всякую одежду.

Въ приданое даютъ *коробью* (сундукъ), или коробку съ холстами, бѣлыми и цвѣтными. Бѣлыхъ холстовъ даютъ по 10 кусковъ, въ кускѣ 22 арш., цвѣтныхъ или пестрядины по 5 кусковъ; изъ цвѣтного холста невѣста шьетъ для жениха шаровары и рубахи по 6 штукъ. Затѣмъ въ коробью идутъ полотенца, сарафаны и др. женская одежда.

Постель, т. е. подушки и дерюгу, вмѣсто одѣяла, тоже приноситъ невѣста, а войлокъ, на подстилку, идетъ отъ жениха. Кромѣ того, молодая должна имѣть для своего хозяйства хребтугъ (торба), пологъ для перевозки зерна, мѣшокъ для муки (для этихъ вещей вырабатывается изъ оческовъ льна и конопли очень грубая, толстая и прочная ткань), затѣмъ полотенце и столешникъ (скатерть). Если вещи не укладываются въ коробью, то мать невѣсты отдаетъ ихъ свекрови, когда приходитъ на горно́й столъ, т. е. на угощеніе въ домѣ молодыхъ послѣ вѣнца. Въ прежніе годы женихъ дарилъ невѣстѣ подвѣнечный нарядъ, который присылалъ съ подружьемъ наканунѣ свадьбы. Въ настоящее время поддружье

спрашиваетъ: «Коли что нужно для невѣсты — спрашивайте, не нужно—отказывайте»; обыкновенно отказываютъ.

Запой обставляется слѣдующимъ образомъ. Въ назначенный день родители жениха созываютъ всѣхъ своихъ родныхъ, въ сопровожденіи которыхъ ведутъ жениха въ домъ невѣсты и несутъ съ собою водку на угощеніе невѣстиной родни. Крестный отецъ и крестная мать занимаютъ на свадьбахъ почетное мѣсто, они-же посажонные, а крестная мать зовется свахою. На запой женихова сваха несетъ невѣстѣ сладкій пирогъ съ изюмомъ, а подругамъ невѣсты «курникъ*)» и «закуску», т. е. лакомства, орѣхи, пряники и конфекты; все это сваха отдастъ дѣвушкамъ, какъ только придетъ въ домъ невѣсты. Изъ парней женихъ выбираетъ себѣ товарища, знакомаго или родственника. Товарищъ сопровождаетъ жениха на запой и другія свадебныя празднества и имѣетъ исключительное право свободно обращаться съ подругами невѣсты, цѣловать ихъ и шутить съ ними.

У невѣсты на запой собираются всѣ ея родные и въ ожиданіи жениха разсаживаются по лавкамъ въ переднемъ углу. Невѣста съ подругами сидитъ въ чуланѣ. Когда является женихъ со своими родными, его впускаютъ въ домъ послѣ нѣкотораго сопротивленія. — «Ожидали-ли такихъ бунтовщиковъ?», спрашиваетъ отецъ жениха. — «Можемъ ихъ назадъ проводить», отвѣчаютъ родные невѣсты. Затѣмъ всѣ входятъ въ избу и останавливаются въ ожиданіи рукобитія, къ которому тотчасъ-же приступаютъ. На столѣ уже приготовленъ круглый пшеничный хлѣбъ (пирогъ); всѣ присутствующіе молятся Богу; отецъ жениха кладетъ на хлѣбъ правую руку ладонью вверхъ, мать покрываетъ ее своею рукою ладонью внизъ; родственница невѣсты, сноха или другая молодая женщина, покрываетъ ихъ руки концомъ полотенца. Выше складываютъ крестные жениха свои руки; ихъ покрываютъ тѣмъ же полотенцемъ, перегибая его. За ними еще выше складываютъ руки родители и крестные невѣсты; руки ихъ перекладываютъ тѣмъ-же полотенцемъ. Тогда отецъ невѣсты, призывая въ свидѣтели всѣхъ присутствующихъ родныхъ, объявляетъ имъ, въ какой кладкѣ уговорились съ женихомъ, и прибавляетъ, что, въ случаѣ отказа отъ брака, несо-

*) Курникъ—пирогъ съ говядиной, иногда съ кашей и яицами, а также съ курицей.

гласная сторона обязуется уплатить неустойку въ 25 руб. Та-же родственница раскрываетъ руки и снимаетъ полотенце. Во время рукобитія невѣста вопитъ въ чуланѣ, причитая:

«Не клади, родимый батюшка, свои бѣлы рученьки,
Не запоручивай мою буйную головушку
За поруки, за великія,
За думушки, за крѣпкія,
За слова, за вѣрныя!
Не далъ ты мнѣ, батюшка,
На рѣзвы ноженьки поднятися,
Съ подруженьками сравнятися»!

Послѣ рукобитія жениха сажаютъ подъ образа между его крестными, а рядомъ съ нимъ товарища. Подлѣ свахи садится мать, подлѣ крестнаго отецъ жениха и далѣе вся родня жениха по старшинству. Отецъ жениха начинаетъ угощать своимъ виномъ родныхъ невѣсты; прежде всѣхъ онъ подноситъ отцу невѣсты два стакана водки, которыми они обмѣниваются три раза и выпиваютъ. Невѣста вопитъ въ это время слѣдующее:

«Пей-ка, родимый батюшка, пей!
Меня не пропей.
Пропей, батюшка, ворона коня.
Ты его пропьешь,—
Назадъ выкупишь,
А меня пропьешь,—
Ты не выкупишь.

Или:

Ужъ ты, батюшка, пей,
Да меня не пропей!
Пропей, батюшка,
Свой широкій дворъ.
Ты его пропьешь,—
Назадъ выкупишь,
А меня пропьешь,—
Ты не выкупишь.

Когда сватъ подноситъ вино матери, невѣста причитаетъ:

«Ужъ ты, матушка, пей,
Да меня не пропей!
Пропей, матушка,
Коробью съ добромъ,
Ее пропьешь,—
Назадъ выкупишь,
А меня пропьешь,—
Ты не выкупишь.

Тѣ же причитанія она повторяетъ, когда сватъ угощаетъ ея крестныхъ отца и мать. Затѣмъ дѣвушки хоромъ поютъ пѣсню.

«Пощиплю я себѣ хмѣлю яровога;
Наварю я себѣ пива молодого.
Призову я къ себѣ батюшку роднаго:
Охъ ты, батюшка, да ты родимый,
Охъ, ты пей-ка! меня не пропей-ка!
Пропей, батюшка, коня свого вороного,
Да съ сѣделочкою, да съ упряжечкою»!

Изъ чулана выходитъ невѣстина сваха и подаетъ жениху на кругломъ блюдѣ подарокъ отъ невѣсты: шарфъ, перчатки, платокъ. За нею идетъ невѣста и подноситъ жениху двѣ рюмки съ виномъ; они обмѣниваются три раза рюмками, отпиваютъ, цѣлуются, и невѣста уводитъ въ чуланъ жениха и его товарища.

Тогда всѣ родные садятся за столъ обѣдать, а дѣвушки поютъ величанія роднымъ жениха.

Первое величаніе жениху—„Кудри русы:“

Ужъ какъ кудри русы!
По плечамъ кудри лежатъ,
Ровно жаръ горятъ,
Развиться хотятъ,
Жениться велятъ.
Женись, женись, дитятко,
Бери богатаго купца дочь,
Собою личную,
Отъ людей отличную,
Рѣчьми разговорчиву,
Лександру Гавриловну»!

Затѣмъ товарищу жениха:

Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый!
По горницѣ ходитъ,
Манерно ступаетъ,
Сапожки ломаетъ.
Сапожки козловые,
Чулочки шелковые.
Въ зеркало глядится,—
Самъ на себя дивится.
На добра коня садится,—
Подъ нимъ конь-то веселится.
Онъ тросточкой машетъ,—
Подъ нимъ конь-то пляшетъ.
Лугами-то ѣдетъ,—
Луга зеленѣютъ,
Цвѣты расцвѣтаютъ,
Соловушки распѣваютъ.
Его дѣвушки встрѣчаютъ,
За дубовый столъ сажаютъ,
Скатерть бѣлу разстилаютъ,
Стаканъ вина наливаютъ,
На подносѣ поднашаютъ.

Отцу жениха поютъ:

Не шелкова ниточка къ стѣнкѣ льнетъ:
Авдотья Петра къ сердцу жметъ.
«Это правда твоя, вся истинная.
Подвинься, Авдотьюшка, поближе ко мнѣ!
Ты будешь помилѣе мнѣ.
Скажи-ка, Авдотьюшка, кто милъ тебѣ?»
—«Мнѣ милъ милёшенекъ ты, ненóй соколъ!»—
«Это, Петровна, правда твоя вся, истинная».

Матери жениха поютъ «Щепетиху»

«Ужъ ты, Авдотьюшка, щепетиха!
Ты, Петровна, щеголиха!
Она пишетъ, къ обѣднѣ не ходитъ;
Все бы ей на лошадкѣ, баетъ.
Подъ ней конѝ вороные,
Что извощички молодые,
Не женатые, холостые».

Крестному отцу жениха:

«Какъ у чарыньки у серебряной золотой вѣнокъ!
У Григорія у Митрича дорогой умъ-разумъ!

Гдѣ ни ходитъ, ни гуляетъ,
Спать домой приходитъ:
Брячи́тъ за колечко,
Брячи́тъ за золотое.
«Выйди, выйди, Дарьюшка (имя его жены),
Выйди меня встрѣтить»!
«Нейду, нейду, не встрѣчаю,
Сына я качаю,
Легко отвѣчаю,
Перемѣны себѣ чаю!

Свахѣ или крестной матери жениха:

Хвалилась сваханька житьемъ-бытьемъ, богачествомъ.
«У меня много житья-бытья:
Шесты ломятся шелковы́хъ платье́въ».
Она пишетъ, къ обѣднѣ не ходитъ;
Все бы ей да на лошадкахъ, баетъ,
Подъ ней кони вороные,
Извощички молодые,
Не женаты, холостые.

Дѣдушкѣ или старшему родственнику:

Ходитъ Митрій по двору,
Гуляетъ Павловичъ по широкому.
А люди то молвятъ: чей то такой?
Аксиньюшка молвитъ: «а это—мой ясной соколъ»!
А это, Аксиньюшка, правда твоя, правда истинная.

Всѣхъ родныхъ жениха величаютъ по старшинству. Родныхъ невѣсты на запоѣ не величаютъ.

Величаніе жениху:

Бѣлому румяному,
Русому кудрявому,
Михаилу Дмитріевичу,—и его невѣстѣ:
Лежала тесина черезъ сине море,
Лежала тесина.
По этой тесинушкѣ свѣтъ Михайло переходилъ.
Лександрушку переводилъ.
Вотъ луга, луга, луга—
Парень дѣвушкѣ слуга!
Вотъ зеленые луга—
Парень дѣвушкѣ слуга!
Платочекъ батистовый,
Михайло написаный.
А другой атласный,
Дмитричъ прекрасный.
А третій зеленый,
Михайло веселый.
Въ косѣ лента алая,
Лександрушка бравая.
Другая атласная,
Григорьевна прекрасная.
Третья зеленая,
Лександрушка веселая.

Брату жениха, женатому и его женѣ:

Какъ по сѣнничкамъ тутъ ходила, погуливала
Молода жена, боярыня,
Варвара, свѣтъ Ивановна.
Она ходила, похаживала,
Она будила, побуживала,
Своего ли друга милаго,
Свѣта Петра Иваныча.

Послѣ всякой пѣсенки одна изъ дѣвушекъ подходитъ къ тому лицу, которое величали и проситъ «на пѣсенку»; даютъ 2—3 коп. на угощеніе дѣвушкамъ.

Обѣдъ на свадебныхъ и др. пиршествахъ состоитъ изъ слѣдующихъ блюдъ: 1) похлебка съ картофелемъ и мясомъ (говядиной или бараниной), съ клецками изъ яицъ и муки, 2) лапша, 3) жареная свѣжина (часть говядины или баранины), 4) иногда жареный поросенокъ, 5) сальникъ—каша гречневая съ саломъ, топленая въ плошкахъ, 6) пшенникъ — каша изъ пшена съ яицами, топленая въ плошкахъ, 7) лепешникъ — лепешки или блины изъ гречневой муки, перемазанныя масломъ, 8) курникъ—пирогъ изъ пшеничной муки съ говядиной или курицей, 9) пышечникъ—круглый пирогъ, состоящій изъ маленькихъ пышекъ, испеченныхъ изъ пшеничной или гречневой муки, 10) сладкіе пирожки или пирогъ съ изюмомъ; крышка пирога сдѣлана рѣшеткою, въ отличіе отъ пирога, подаваемаго на похоронахъ, который закрываютъ сверху сплошнымъ блиномъ. Кончается обѣдъ свѣжиною, которую подаютъ вторично.

Какъ ежедневно за обѣдомъ, такъ и на пирахъ ѣдятъ всѣ вмѣстѣ, не соблюдая старшинства при раздѣленіи пищи. Только право рѣзать свѣжину принадлежитъ хозяину дома. Въ ожиданіи гостей хозяйка развѣшиваетъ по стѣнамъ утиральники (полотенца), которые служатъ вмѣсто салфетокъ. Хлѣбъ пшеничный зовется пирогомъ, а ржаной—караваемъ. Изготовленіе нѣкоторыхъ кушаній различно въ сосѣднихъ селахъ, что дало поводъ къ прозвищамъ. Такъ напр. въ Липовкѣ пекутъ курники съ говядиной и курами, а въ Дмитровкѣ съ кашей и съ яицами; потому Липовцы въ насмѣшку прозвали Дмитровцевъ „кашниками“, жителей деревни Садковъ прозываютъ „кужéньками“, такъ какъ они часто пекутъ ватрушки. Ватрушка—кужéнька.

Послѣ обѣда родные жениха идутъ въ чуланъ процаться съ невѣстой и дарятъ ее, родители по 1 р. и меньше, а остальные родные, кто сколько можетъ—и по 5 коп. Женихъ и товарищъ его запрягаютъ лошадей и везутъ подругъ невѣсты кататься по селу. Невѣста остается дома. Возвратившись съ прогулки, молодежь пляшетъ, поетъ пѣсни и угощается лакомствами, принесенными свахой. Родные жениха уводятъ съ собою родныхъ невѣсты „на колышки смотрѣть“, т. е. на жениховъ домъ, гдѣ ихъ ждетъ угощеніе.

За недѣлю до свадьбы происходитъ *оповѣщеніе*. Сватья сговорятся, когда прислать бабъ, и въ назначенный день 4—5 женщинъ изъ жениховой родни идутъ къ невѣстѣ „съ повѣстью, съ гостинцемъ“ (дѣвушки съ повѣстью не ходятъ). Гостинецъ состоитъ изъ печатки душистаго мыла, серегъ, борка (борокъ—бусы), ситца на кофту и курника; несетъ его сестра или сноха. Женщинъ ждетъ у невѣсты угощеніе, а дѣвушки поютъ имъ пѣсни и величаніе. Кладку отвозитъ отецъ жениха самъ наканунѣ оповѣщенія, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ ее везетъ одинъ изъ родственниковъ, когда бабы идутъ съ повѣстью. Съ этого дня и до обрученія цѣлую недѣлю невѣста не имѣетъ права выходить изъ дому.

Къ ней сходятся подруги, дѣвушекъ 10, гостятъ у нея всю недѣлю, помогая дошивать приданое; вмѣстѣ съ невѣстою онѣ „плачутъ по косѣ».

Плачъ по косѣ состоитъ изъ различныхъ причитаній, въ которыхъ описывается свободная, беззаботная жизнь дѣвушки и предвидится тяжелая замужняя доля. Невѣста вопитъ, обращаясь къ подругѣ:

«Ты поди-ка-ся, мила́ подруженька,
Ко моей, ко свадьбѣ горькой!
Не прогнѣвайся на меня, мала́ подруженька,
Что не вышла я, тебя не встрѣтила
Среди пути дороженьки!
Я встрѣтила тебя только
Среди новой своей горенки;
И словами-то я тебя не ласковыми,
Своими горючими слезами!
Знать, не долго мнѣ съ вами, подруженьки,
Сидѣть въ красныхъ дѣвушкахъ!
Распослѣдніе деньки счетные,
Распослѣдніе часы минуточки!
Отойдетъ-то, знать, мнѣ, подруженьки,
Воля батюшкина, и нѣга-то матушкина».

Другое причитаніе.

«Милы мои подруженьки,
Отгуляла-то я по широкой по улицѣ,
Отпѣла-то я съ вами развеселы пѣсенки;
Отойдутъ-то съ вами всѣ гульбы,
забавушки,
Всѣ дѣвичьи прохладушки»!

Подруги поютъ пѣсню, въ которой разсказывается, какъ сваха послѣ вѣнца будетъ убирать голову новобрачной:

«Вечоръ мою косыньку въ банѣ парили;
А по утру-то мою косыньку подруги плели;
А къ полднямъ-то мою косыньку сваха расплела,
Раздѣлила мою косыньку на шесть доль,

Заплела же косыньку на двѣ косы, Покрыла-же косыньку краснымъ ку-
Положила косыньку поверхъ головы, мачемъ».

На это невѣста отвѣчаетъ:

«Не пойте, милы подруженьки, Безъ веселой пѣсенки
Мнѣ веселу пѣсенку! Мнѣ растошнехонько».

По вечерамъ приходитъ женихъ съ товарищами и приноситъ невѣстѣ гостинецъ, орѣхи, пряники, конфекты, а дѣвушкамъ подсолнухи. Невѣста сидитъ съ нимъ въ чуланѣ, тогда какъ ея подруги играютъ и танцуютъ съ парнями. Такіе вечорки устраиваются въ теченіе всей недѣли и составляютъ самое большое удовольствіе для молодежи. Кромѣ свадебныхъ вечерокъ не существуетъ въ домахъ общихъ собраній для парней и дѣвушекъ. Изъ плясовыхъ пѣсенъ для молодежи приняты только двѣ, Чижикъ и Лебеда. Чижика танцуютъ парень и противъ него одна или двѣ дѣвушки. Хоръ окружаетъ танцующихъ и поетъ:

Чижикъ, чижикъ, чижикъ, Танцевать заставила.
Маленькій воробушекъ! У чижика на рукѣ
Не я тебя вспоила, Спиты дѣвица и красавица,
Не я тебя вскормила, Видитъ чижика во снѣ.
На ножки поставила, Улыбается.

Лебеду танцуютъ съ фигурами попарно парень съ дѣвушкой, взявшись за руки, въ 4 пары и болѣе. Хоръ поетъ:

Я посѣю лебеду на берегу, Со донскимъ, со молодымъ казакомъ.
Свою крупную разсадушку. Со удалымъ, добрымъ молодцомъ.
Погорѣла лебеда безъ дождя. Пошлю я казака по воду. —
Скакала я, плясала по лугамъ, Ни воды нѣтъ, ни казаченьки.
По зеленымъ дубравушкамъ,

Пѣніе и пляска сопровождаются игрою на дудкахъ, издающихъ тонкій однообразный звукъ. Дудка состоитъ изъ двухъ тоненькихъ трубочекъ съ отверстіями по бокамъ, вставленныхъ на равной высотѣ въ коровій рожокъ.

Игра въ сосѣди—единственная. Выбираютъ старосту, который спрашиваетъ у играющихъ, доволенъ-ли сосѣдомъ; недовольные смѣняются мѣстами.

Въ нѣкоторыхъ семьяхъ всю недѣлю передъ вѣнчаніемъ женихъ и невѣста читаютъ молитву. „Живый въ помощи“ для счастливой супружеской жизни.

Наканунѣ свадьбы по-утру дѣвушки топятъ баню для невѣсты и приговариваютъ:

«Топись-ка, нова банюшка,
Калитесь мелки камешки,
Варитесь мылки щелочки,
Про душу ли, про Марьюшку»!

Затѣмъ покрываютъ невѣсту фатой и ведутъ въ баню. По возвращеніи невѣста благодаритъ за баню родителей, братьевъ, снохъ и всѣхъ домочадцевъ, кланяясь имъ въ ноги и приговаривая: „Благодарю тебя, родимый батюшка, на парной на банюшкѣ; а тебя, родима матушка, на шелковомъ на вѣничкѣ“.

Одна изъ подругъ или сестра принимаются за расчесываніе волосъ, а невѣста со слезами причитаетъ:

Подойди-ка ко мнѣ, мила сестрица,
Ко моей ко буйной головушкѣ!
Ты бери-ка-ся во праву во ручеиьку
Мелко частый гребешокъ!
Чеши-ка ты мнѣ буйну головушку гладехонько,
Плетика-ка русу косыньку частехонько.
Посередь косы плети-ка мелёхонько,
Вплетай шелкову косоплеточку;
На конецъ-то моей косыньки
Вяжи узлы частые;
Въ шелкову то косоплеточку
Подвяжи мои алы ленточки,
Розовыя, разбукетовыя;
На буйну головушку
Подвяжи мою поднизочку»!

Сестра отвѣчаетъ:

Плела я тебѣ, мила сестрица, русу косыньку,
Плела ее размелёхонько;
Посередь твоей косыньки вплетала расшелкову косоплеточку,
На концѣ-то косыньки вязяла узлы частые;
Въ шелкову косоплеточку вязала алы ленточки;
На буйну то головушку разбисерну поднизочку.

Обѣ плачутъ. Причесавъ невѣсту, дѣвушки принаряжаются и идутъ за пивомъ и за мыломъ; съ ними идутъ женщины, родственницы, всего 15 человѣкъ. Родные жениха ожидаютъ посланныхъ отъ невѣсты, но жениха прячутъ. Сестра невѣсты говоритъ: „Вотъ возьмите ведерко, невѣста угорѣла, вашего пивца захотѣла“. Ей отвѣчаютъ, что это дѣло жениха, а его нѣтъ дома. Сестра невѣсты кличетъ его три раза по имени—и женихъ выходитъ наливать пиво. Дѣвушки поютъ ему величаніе „кудри русы“. Затѣмъ просятъ у жениха палочку нести ведро и за палочку поютъ ему пѣсенку. Женщины въ сопровожденіи поддружья несутъ невѣстѣ ведро съ пивомъ, мыло и курникъ.

Женихъ запрягаетъ лошадей и везетъ дѣвушекъ кататься, подъѣхавъ къ невѣстиному окну, онъ цѣлуетъ всѣхъ дѣвушекъ. Принесенное поддружьемъ ведро съ пивомъ дѣвушки покрываютъ платкомъ, который невѣста даритъ поддружью, и приговариваютъ: „У нашего платочка четыре уголочка, пятая серединочка.“ Поддружье его выкупаетъ, даря дѣвушкамъ деньги.

Вечеромъ къ невѣстѣ сходятся всѣ родные, и если свадьба небогатая, то приносятъ съ собою угощеніе (говядину, хлѣбъ, масло, яйца). Крестная несетъ «на косу» невѣстѣ въ подарокъ рукава *), крестный отецъ образъ и хлѣбъ, которыми они будутъ благословлять невѣсту. „На косу“ даритъ деньги; при прощаньѣ всѣ дарятъ „на косу“ невѣстѣ. Это собраніе называется главнымъ вечеромъ и устраивается только въ томъ случаѣ, если родные невѣсты передъ вѣнчаніемъ не дѣлаютъ обѣда и угощенія.

Наканунѣ свадьбы къ жениху сходятся всѣ родные на „собраніе“, на которомъ происходитъ выборъ дружки. Въ дружки выбираютъ старшаго изъ родныхъ; его обязанность быть полнымъ распорядителемъ на всѣхъ свадебныхъ пиршествахъ; въ знакъ его полномочій ему даютъ кнутикъ, для расправы съ буптовщиками. Все время, пока онъ состоитъ при своей почетной должности, называется «дружкиной большиной». При выборѣ дружки къ нему подходитъ отецъ жениха, угощая его виномъ, а женихъ кланяется ему въ ноги, говоря: «Послужи съ конемъ, съ сѣдломъ, съ молодецкой управой въ дружки». Эти слова служатъ отголоскомъ стариннаго обычая увоза невѣсты. Дружка заставляетъ себя просить три раза, наконецъ, соглашается и съ тѣми-же словами проситъ себѣ въ помощники поддружья.

Крестному, онъ же и посаженый отецъ, оказывается особый почетъ: его выбираютъ въ тысяцкіе. Во времена крѣпостного права должность тысяцкаго была самой почетной для крестьянина, и въ свадебныхъ обрядахъ сохранили это названіе для самаго почетнаго гостя. Послѣ тысяцкаго выбираютъ подсвашника беречь сваху, и четырехъ кучеровъ въ правильщики. Дальніе родственники везутъ за поѣздомъ жениха лагунъ съ пивомъ и называются

*) Женская рубашка дѣлается изъ 2 матерій; станъ изъ синей пестряди̇ны, а верхняя часть, незакрывающаяся сарафаномъ, и рукава—изъ ситца; она то и называется рукавами.

лагунниками. За выборами слѣдуетъ обѣдъ. За столомъ женихъ сидитъ рядомъ съ крестнымъ, подъ образами. Дружка садится съ краю и кличетъ кличъ, который онъ повторяетъ на всѣхъ свадебныхъ пиршествахъ:

Есть ли у нашего князя нареченнаго,
У его отца и матери,
Поваръ батюшка, поварушка матушка?

Шевелись, не лѣнись, поворачивайся,
Что есть въ печи, все на су́дну лавочку мечи![*])

Передъ перемѣной кушанья, дружка, повторяя кличъ, заканчиваетъ его:

Блюдечко наливай, другимъ накрывай,
Намъ на столъ подавай!

Гости сидятъ, поѣсть хотятъ!
Гости сидятъ, перемѣны хотятъ.

Затѣмъ:

Есть ли у нашего князя нареченнаго,
У его отца и матери,
Гвоздари, бочкари, скорые поспѣшники?

Давайте пива двойнаго,
Нѣтъ двойнаго—простаго,
Нѣтъ простаго—безъ простаго!
Повсюду дожди, и здѣсь не канетъ.

По окончаніи обѣда гости благодарятъ хозяевъ, говоря: „мы вашей ѣдѣ кланяемся“.

На слѣдующій день наступаетъ *обрученіе*.

Къ вѣнцу жениха собираетъ сваха, одѣваетъ его; отъ порчи, отъ глаза насыпаетъ ему въ карманы и въ сапоги пшена, а въ одежду втыкаетъ иголки и булавки. У жениха собираются всѣ поѣзжане. Передъ благословеніемъ дружка выходитъ во дворъ и кличетъ: „Гости званы, гости браны, господа поѣзжане, прошу покорно изъ двора, да въ хату!“

„Заводится поѣздъ“, т. е. приготовляются къ выѣзду, садятся за столъ закусить. Затѣмъ дружка зоветъ „благословлять на мѣсто“:

Есть ли у нашего князя нареченнаго
Родимый батюшка, родимая матушка?

Умѣли свою дитятку вспоить, вскормить,
Умѣйте и благословить!

*) Судна лавочка—полочка подлѣ печи.

Благословляютъ жениха отецъ и мать; дружка кличетъ также крестныхъ, и они благославляютъ оба однимъ образомъ. Къ невѣстѣ ѣдутъ впереди дружка съ поддружьемъ, за ними женихъ съ крестнымъ, сваха съ подсвашникомъ, а позади лагунники. Невѣсту къ вѣнцу снаряжаютъ сваха и братъ.

Братъ ее обуваетъ и кладетъ деньги въ правый башмакъ, чтобы богато жила. Отъ порчи въ сарафанъ втыкаютъ 3 иглы, подпоясываютъ сверхъ сорочки кускомъ отъ бредня; на гайтанъ (снурокъ, на которомъ виситъ крестъ) привязываютъ написанную воскресную молитву („Да воскреснетъ Богъ“). Сестра или подруга причесываетъ невѣсту и заплетаетъ косу, а невѣста вопитъ:

Подойди-ка, мила сестрица,
Ко моей ко буйной головушкѣ!
Ты бери-ка-ся во праву рученьку
Мелкъ частой гребешокъ!
Чеши-ка ты мнѣ буйну головушку гладехонько,
Плети-ка русу косыньку частехонько,
Посередь косы плети-ка мелехонько,
Вплетай шелкову косоплеточку,
На конецъ-то моей косыньки
Вплети страсти-ужасти,
Три ножичка разбулатныихъ!

Затѣмъ невѣсту покрываютъ фатой, выводятъ въ горницу и сажаютъ подъ образа рядомъ со свахою. Братъ со скалкою или полѣномъ въ рукѣ садится подлѣ невѣсты. Закрываніе лица невѣсты фатою указываетъ на отголосокъ стариннаго русскаго обычая. На столъ передъ невѣстой подруги ставятъ, „крóсту“ (сокращеніе слова красота), цвѣтокъ или березку, убранную конфектами и лентами. Пріѣзжаетъ поѣздъ съ женихомъ. Дружко подходитъ къ крыльцу и читаетъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ». Сейчасъ же начинаютъ благословлять невѣсту. Дружка подходитъ къ крыльцу, повторяя молитву. Когда кончится благословленіе невѣсты, дружкѣ отвѣчаютъ, «аминь»; на встрѣчу ему выходятъ крестный и отецъ невѣсты, подносятъ дружкѣ стаканъ вина и ведутъ его въ избу выкупать „кросту“ и дѣвичью косу, а поѣзжане съ женихомъ ожидаютъ во дворѣ.

Войдя въ избу дружка говоритъ, обращаясь къ подругамъ:

«Шишь ворóна, соколъ на мѣсто!» Но подруги окружаютъ невѣсту и требуютъ выкупа дѣвичьей красоты; дружка, выкупая крóсту, даетъ дѣвушкамъ деньги (20—30 коп.), невѣста же вопитъ: «Не продавайте, милы подруженьки, мою раздѣвичью крóсоту не пущайте моихъ разлушниковъ!» Дѣвушки, получивъ выкупъ, разступаются, убираютъ крóсту. Дружка повторяетъ братьямъ:

«Шшшь ворона, соколъ на мѣсто!» Братья замахиваются на него скалкой и говорятъ: «У нашей сестрицы по рублю косица, по копѣйкѣ волосокъ»! Невѣста вопитъ:

Не берите, мои родные братцы, золотую чару,
Она приманчива, да обманчива.
Въ золотой то чарѣ зелено вино,
Зелено вино распропойчиво;
Пропьете вы меня, не выкупите.

Дружка кладетъ въ стаканъ денегъ и наливаетъ водки; братъ, выпивая, требуетъ еще выкупа, наконецъ уступаетъ свое мѣсто (деньги идутъ брату, или невѣстѣ). Тогда дружка приглашаетъ въ избу жениха и поѣзжанъ. Сваха жениха приноситъ лакомства и курникъ, кладетъ ихъ на блюдо на столъ и выкупаетъ такимъ же образомъ косу невѣсты у невѣстиной свахи. Невѣста вопитъ:

Ты почто, распрiѣзжая свахонька,
Ко мнѣ близко приближаешься,
Ко моей-то ко русой косынькѣ
Смѣло больно приступаешься?
Плела то мнѣ русу косыньку,
Плела мила сѐстрица;
На конецъ то моей русой косыньки
Вплетала страсти-ужасти,
Три ножичка разбулатныихъ.
Ты обрѣжешь свои бѣлы рученьки,
Замараешь на мнѣ расцвѣтно́ платьё,
Расцвѣтно́ платьё—подвѣнечное.
Ну, куда-жь теперь, распрiѣзжая свахонька,
Стану дѣвать свою дѣвичью кро́соту?
Во чисто́ поле мнѣ ее пустить—замарается,
Во синё-то море пустить—закупается,
Во темный-то лѣсъ пустить—заплутается;
Знать отказать-то ее милой се́стрицѣ!
Натка-ся, мила се́стрица,
Носи ее соблюдаючи,
Меня горьку вспоминаючи!

Сваха жениха расплетаетъ косу, кладетъ ленты на курникъ и отдаетъ блюдо дѣвушкамъ. Ленты переходятъ въ пользу сестры или подругъ невѣсты. Всѣ гости кладутъ деньги невѣстѣ «на косу», затѣмъ садятся за столъ обѣдать; дружка выкликиваетъ кличъ стряпухамъ. Жениха и невѣсту сажаютъ подъ образами между свахами и кладутъ имъ ложки и вилки черенками въ обратную сторону, чтобы показать, что они не имѣютъ права ѣсть.

Послѣ обѣда поѣздъ собирается въ церковь. Впереди ѣдутъ дружка съ поддружьемъ, за ними женихъ съ крестнымъ отцомъ, а невѣста со своею свахой. Къ дугѣ невѣстиной повозки привязываютъ три платка, которые невѣста даритъ своимъ братьямъ—кучерамъ. Изъ родныхъ невѣсты въ церковь ѣдутъ только сваха

и братья. Передъ отъѣздомъ дружка выходитъ во дворъ и кличетъ:

Бояре, господа поѣзжане,
Будьте по мѣстамъ,
Какъ ясны соколы по гнѣздамъ!
Чинъ чина почитать,
Другъ дружку не забывать!
Дружка съ поддружьемъ,
Тысяцкій—большой баринъ,
Сваха съ подсвашникомъ!
Не всѣмъ на имя, а всѣмъ челомъ!

Съ образомъ (благословеніемъ жениха) въ рукахъ онъ обходитъ вокругъ поѣзда, крестится, ударяетъ кнутомъ лошадь и повторяетъ кличъ, такъ до 3 разъ. Затѣмъ дружка подходитъ къ воротамъ, но отворять ихъ не пускаютъ родные невѣсты; требуя выкупа. Выкупивъ ворота и открывъ ихъ, дружка чертитъ кнутомъ крестъ на землѣ среди проѣзда; затѣмъ пропускаетъ повозки, давая всякому поѣзжанину цѣловать икону. Дружка провожаетъ поѣздъ до церкви и снова возвращается въ домъ невѣсты, выкупать приданое, коробью, на которой сидитъ сноха или братъ и требуетъ выкупа. По выкупѣ коробьи дружка уѣзжаетъ въ церковь, а «коробошники», братъ, сестра, зять и сноха невѣсты, везутъ приданое въ домъ жениха, гдѣ ихъ угощаютъ, напаиваютъ до-пьяна и отправляютъ домой, когда прибудетъ изъ церкви свадебный поѣздъ, чтобы коробошники не встрѣтились съ новобрачными.

При входѣ въ церковь съ невѣсты снимаютъ фату. Послѣ вѣнчанія, въ сторожкѣ, свахи заплетаютъ ей волосы на двѣ косы, причемъ правую плететъ сваха женихова, а лѣвую—невѣстина; косы закручиваютъ на головѣ, надѣваютъ повойникъ, повязываютъ платкомъ и снова накрываютъ фатой. Самыми почетными и богатыми считаются свадьбы въ вѣнцахъ, отличающіяся тѣмъ, что вѣнцы не снимаютъ съ новобрачныхъ въ церкви, а они идутъ въ нихъ до дому, предшествуемые духовенствомъ; въ такомъ случаѣ косы молодой свахи заплетаютъ въ чуланѣ. Для замужней женщины считается стыдомъ показаться простоволосой не только передъ постороннимп, но и передъ близкими родными. Изъ церкви возвращаются обѣ свахи въ одной повозкѣ съ невѣстой.

Новобрачныхъ родители встрѣчаютъ хлѣбомъ-солью, благословляютъ, причемъ три раза обводятъ образомъ и хлѣбомъ кругомъ, надъ ихъ головами. Затѣмъ новобрачныхъ сажаютъ за столъ, угощаютъ виномъ, заставляя три раза обмѣняться стакана-

ми, всякій разъ называя другъ друга по имени. Послѣ того, какъ они пообѣдаютъ, сваха женихова и дружка уводятъ ихъ „на подклѣть“. Если не имѣется лишней избы, то подклѣть устраивается и зимою въ холодномъ помѣщеніи, напр. въ амбарѣ. Молодой заставляетъ свою жену снимать сапогъ съ правой ноги, въ который онъ заранѣе кладетъ деньги ей въ подарокъ. Между тѣмъ родные новобрачнаго идутъ за родными молодой звать ихъ на «горнбй столъ». Когда придутъ «горные гости», сваха и дружка идутъ за молодыми «поднимать съ подклѣти». Молодая переодѣваетъ мужа въ принесенную ей въ приданомъ для него одежду. Затѣмъ они выходятъ на встрѣчу родителямъ молодухи и кланяются имъ въ ноги. Сваха выноситъ подвѣнечную сорочку новобрачной. Этотъ обычай устраняется въ случаѣ нецѣломудренности невѣсты, заранѣе извѣстной роднымъ жениха. Скрытая же нецѣломудренность ведетъ за собою плохія послѣдствія: родныхъ молодой выгоняютъ вонъ съ бранью, свекровь подноситъ ея матери пить вино изъ разбитой посуды, а молодую мужъ и родные избиваютъ до полусмерти. Положеніе ея въ семьѣ становится невыносимымъ отъ побоевъ и упрековъ и кончается тѣмъ, что она убѣгаетъ въ домъ къ своему отцу. Вся грубая свадебная обрядность очень вѣрно характеризуетъ крестьянскіе нравы и въ дѣвушкѣ невѣстѣ вызываетъ не стыдъ, а чувство довольства и гордости за свою честь. Послѣ пріема горныхъ гостей, наступаютъ ихъ величанія, угощенія, ѣдятъ до-сыта и напиваются до-пьяна. Дѣвушки въ этомъ пиру не участвуютъ, а плясовыя пѣсни поютъ женщины. Привожу нѣкоторыя изъ нихъ:

Дуня бѣла, румяна,
Со инымъ гуляла,
Любезнаго рѣшила;
Я за то его рѣшила,
Что невѣренъ милый былъ,
Не одну меня любилъ,
Меня горьку, разнесчастну,
Воспокинулъ, позабылъ.
У столика стоючи,
Плачучи, рыдаючи,—
Дружка наждидаются.
Горьки слезы не въ помогу,
Разговоры говорятъ,
Намъ жениться велятъ;
Намъ жениться разориться,
Полтораста стерять,
Велятъ Сашеньку взять.
Я по горенкѣ ходила,
Я мила мужа будила:
«Ты, вставай-ка, мужъ хозяинъ!
Пришли гости дорогіе,
Твои шурья молодые».
— «Отойди, жена немила,
По тебѣ родня постыла».
На крылечко жена выходила,
Своимъ братьямъ говорила:

«Вы дойдите-ка до дому,
Разскажите своему роду,
Своему роду по поклону,
А батюшкѣ никакого,
Что онъ отдалъ за такого».

Плясовая:

Я вечоръ молода во пиру была,
Медъ пиво пила, сахаръ кушала.
Ужъ я лѣсомъ шла—не боялася,
Ужъ я полемъ шла—не шаталася,
Ко двору молода пришла—пошатилася,
За дубову верею ухватилася.
Стой дубова верея, содержи меня,
Жену пьяную, не черявую.
Чтобъ не видѣлъ свекоръ батюшка,
Не слыхала бъ свекровь матушка,
Не сказала бъ она своему сыну, моему мужу.
Что мой-то мужъ—горькой пьяница;
Онъ домой то приходитъ—все расчванится, разломается:
«Разувай меня жена, раздѣвай,
Часты пуговки разстегивай,
Шелковы́ петли расхлестывай»!
«У тебя ли, у годы, ноги грязныя,
У меня ли, у молоды́, ручки бѣлыя,
На рукѣ то кольцо позолочено, подареное;
Мнѣ не батюшка купилъ,
Мнѣ купилъ подарилъ милъ, сердечный другъ»!

Плясовая-же:

На улицѣ ромода́ (мо́да),
Жена мужа продала;
За то его продала,
Плететъ лапти короба,
Веревки вьетъ, какъ гужи.
«Носи жена, не тужи,
А порвется—навяжи»!

Еще:

Въ Тангинрогѣ (Таганрогѣ) случилася бѣда:
Тамъ убили молодого казака,
Схоронили при широкой долинѣ.
Тамъ летѣли соколики стороной,
Сѣли, пали у солдатки на дворѣ,
Крылышками широкъ дворъ размели,
Голосами все солдатку будили:
«Встань, проснися ты, солдатка молода,
Встань, послушай, люди баютъ, говорятъ,
Все солдатку ругаютъ, бранятъ»!
А чужіе-то мужья все со службицы идутъ,
Моего мужа въ колясочкѣ везутъ.
Закатися красно солнце за лѣсокъ;
Я пойду молода во зелененькій садокъ,
Я сорву ли съ розы розовый цвѣтокъ,
Я совью ли дружку милому вѣнокъ!

Эти пѣсни женщины поютъ, какъ на свадебныхъ, такъ и на другихъ гуляньяхъ.

На другой день послѣ вѣнчанія, молодые „кланяются въ поги“ всѣмъ роднымъ и гостямъ. Молодая даритъ подарки свекру, свекрови и ближнимъ роднымъ мужа; они за поклонъ дарятъ ей „на собенну“ овцу, телку или деньги. Скотину дарятъ только родители.

Затѣмъ въ сопровожденіи дружки молодые обходятъ съ поклономъ всѣхъ гостей, которыхъ дружка угощаетъ виномъ и приговариваетъ:

Кланяется вамъ нашъ князь ново-брачный со своею княгиней,
Съ ковшомъ и съ медомъ, съ низкомъ поклономъ.
Извольте стопочку выпить, а дѣныш-ко позолотить,
Не рублемъ, не гривной, одной золотой полтиной,
По мочи, по силѣ—рублика четыре,
А если покажется въ честь, то рубликовъ шесть!
На новое мѣсто много имъ надо:
На шильце, на мыльце, на банное построенье,
На горшечки, на окатнички, сита, рѣшота, на кривыя веретенца.

Обойдя всѣхъ съ поклонами, новобрачные въ сопровожденіи свекра и свекрови идутъ къ тестю и тещѣ „на блинки“ и звать ихъ къ себѣ въ гости. Ихъ встрѣчаютъ на дорогѣ человѣкъ пять изъ родныхъ молодой, ряженыхъ козою, медвѣдемъ, лошадью, съ пѣснями, плясками, прибаутками, не пускаютъ въ домъ къ родителямъ. На приглашеніе въ гости мать новобрачной отвѣчаетъ: „Кабы не было погодки, что не выпалъ бѣлый снѣгъ! Кабы не было заботки, не пошелъ-бы въ тотъ конецъ!“ Свадебныя гулянки продолжаются нѣсколько дней, причемъ послѣ блинковъ, какъ родные новобрачной, такъ и вся родня ея мужа дѣлаютъ складчину на водку, кто сколько можетъ, и на собранныя деньги продолжаютъ гулять. По окончаніи всѣхъ свадебныхъ празднествъ молодые благодарятъ дружку за хлопоты и дарятъ ему платокъ и курникъ.

Кромѣ свадебныхъ гуляній существуютъ пирушки и пріемы гостей въ престольные праздники, на Рождество, на Пасху и на Новый Годъ, сопровождающіеся угощеніемъ, а главное хорошей выпивкой. Молодежи предоставляется гулять на улицѣ. Въ прежніе годы молодежь много веселилась на Святкахъ, ходили ряжеными, гадали, но въ настоящее время обычаи эти вывелись, и веселятся болѣе на Масляницѣ. Воскресенье передъ Масляницей называется „закатальнымъ“; съ него начинаются гулянья и длятся всю недѣлю. Молодежь дѣлаетъ ледяную гору, зовется она Красной горою, и катается съ нея; катаются также на пошевняхъ, т. е. въ саняхъ, и съ пѣснями гуляютъ по улицамъ. Съ перваго ноября нѣсколько дней длятся Кузьминки, тѣ-же засидки. Дѣвушки собираются въ одинъ домъ, спосятся провизіей, которую выпрашиваютъ или тайкомъ уносятъ изъ семьи, пекутъ блины, дѣлаютъ

яичницу, поютъ пѣсни и веселятся въ избахъ и на улицѣ. Послѣ Пасхи начинается рядъ весеннихъ гуляній, въ которыхъ принимаютъ участіе только дѣвушки и молодыя женщины. Въ былые годы дѣвушки праздновали Семикъ, рядили березку, уходили съ нею въ лѣсъ, гдѣ заплетали вѣнки, пекли яичницу; сохранилось празднованіе Семика въ немногихъ мѣстностяхъ. Время отъ Ѳоминаго воскресенья и до Петровскаго заговѣнья, зовется „весною“ и сопровождается хороводами и пѣніемъ исключительно весеннихъ пѣсенъ. Начинаются весеннія гулянья шествіемъ дѣвушекъ вокругъ села. Это весеннее шествіе называется Пчелою, такъ какъ толпа дѣвушекъ напоминаетъ собою летящій рой и поетъ пѣсню, называемую тоже Пчелою. Слова пѣсни слѣдующія:

Ты заря ли, заря вечерняя!
Ты пчела ли, моя пчелынька,
Ты пчела ли, пчела летучая,
Ты летучая, да бархучая!
Ты куды пчела лётывала?
—Ужъ я лётывала, полётывала,
По чисту полю погуливала,
Ко сырой землѣ приклацывалась,
Ко листочку ко бумажному,
Ко цвѣточку ко лазоревому.
— Ты чего, пчела, видѣла?
Ты чего, пчела, слышала?
— Ужъ я видѣла, слышала,
Какъ красная дѣвка плакала,
За стараго мужа идучи,
За молодымъ не бываючи.

Во второмъ куплетѣ повтореніе пѣсни, но окончаніе иное:

Ужь я видѣла, слышала,
Какь красная дѣвка плясывала;
За младого мужа идучи,
За старымъ побываючи.

Въ послѣднее воскресенье передъ Петровскимъ заговѣньемъ устраиваютъ проводы весны. Одѣваютъ куклу въ дѣвичій нарядъ и съ нею во главѣ Пчела обходитъ все село; на площадяхъ шествіе останавливается, заводятъ хороводъ; въ середину выходятъ двѣ дѣвушки и подъ пѣніе Пчелы пляшутъ, приподымая высоко куклу. Въ веснѣ парни не принимаютъ участія. Пчела—пѣсня излюбленная, но кромѣ ея существуетъ цѣлый рядъ пѣсенъ, которыя поются только весною; привожу нѣкоторыя изъ нихъ.

Мы пойдемте, дѣвушки, по́ лугу́ шаро́мъ,
Вдоль по улицѣ мячёмъ.
Мы подойдемте-ка, дѣвушки, ко бѣлому шатру!
Какъ у бѣлаго шатра сидѣлъ старый мужъ,
Погубитель мой! — погубилъ мою головушку,
Всю дѣвичью ка́рсоту, молодецкую молодость!

Царь по городу гуляетъ,
Царь царевну выбираетъ.
Не твоя-ли, царь, царевна
Середь города гуляетъ,
Не твоя-ли молодая?
Вы постойте, растворяйте-ка ворота!
Ты взойди-ка, царь, во городъ,
Возьми за ручку царевну,
Постановь ее на мѣсто,
Подойди-ка къ ней поближе,
Поклонися ей пониже!
Ты возьми ее за ручку,
Обведи вкругъ городочка!
Городочекъ ли маленекъ.
А царевна молодая
Середь города гуляла.

Повидимому, въ этой пѣснѣ намекъ на обрядъ вѣнчанія.

Вечо́ръ ли молоденька
Поздно вечеромъ сидѣла,
Я до самой полуночи,
До девятаго часу ночи
Я ждала ли, поджидала
Своего ли друга ми́ла,
Своего дружка милого.
Я насилу дождалася,
На шеюшку бросилася,
Слезами то заливалась,
Въ слезахъ дружка не узнала,
Въ слезахъ дружку говорила:
«Ужъ ты другъ ли мой, дружочекъ,
Сердцу радость, животочекъ,
Про насъ ли съ тобой люди баютъ,
Люди баютъ, все смолчаютъ.
На людей я не глядѣла,
Любить дружка захотѣла,
Любила дружка очень вѣрно,
Очень вѣрно, безотмѣнно.
Люблю дружка въ постоянствѣ,
А онъ меня пріубрамши,
Во тонкой бѣлой рубашкѣ,
Во жемчужномъ во борочкѣ,
Въ гальштуровомъ платочкѣ».

Вдоль да по улицѣ идутъ дѣвушки, все молодушки.
Меня молоду съ собою зовутъ.
Вы постойте-ка, подождите-ка!
Я пойду спрошу свекра батюшку:
«Свекоръ-батюшка, ты пусти гулять»!
— Я гулять пущу, кожу до пятъ спущу.—
Кожа волочится,—гулять хочется.
Я пойду спрошу свекровь-матушку:
«Свекровь-матушка, ты пусти гулять»!
— Я гулять пущу, кожу до пятъ спущу.—
Кожа волочится,—гулять хочется.
Я пойду спрошу мужа молодого:
«Молодой мой мужъ, ты пусти гулять»!
— Я гулять пущу, кожу до пятъ спущу.—
Кожа волочится,—гулять ужъ не хочется.

Въ пѣсняхъ дѣвушки предвидятъ замужнюю тяжелую жизнь, но смотрятъ на нее, какъ на неизбѣжную долю. Въ послѣдней пѣснѣ характеризуется полная зависимость женщины. Безотчетная власть, которой пользуется мужъ по отношенію къ своей женѣ, выражена въ поговоркахъ: „бью не чужую, а свою, хоть веревки изъ нея вью“, или: „жалѣй, какъ шубу, а бей, какъ душу“. Особенно много побоевъ выпадаетъ на долю жены, если мужъ самодуръ; случается, что сосѣди заступаются и отнимаютъ несчастную

Если-же мужъ бьетъ за дѣло, наприм., за измѣну, то никто не заступится, хотя-бы онъ убилъ ее до смерти. „Баба живуча, какъ кошка; изобьешь такъ, что поспнѣетъ вся, анъ смотришь отдышится“, говорятъ мужики. Въ настоящее время женщины прибѣгаютъ съ жалобами къ начальству, волостному суду, который и обуздываетъ самодурствующихъ мужей. Женщина терпитъ не только отъ мужа, ее бьетъ свекоръ, свекровь, сноха и золовки допекаютъ злобою и интригами. Положеніе жены совсѣмъ иное, если мужъ вступаетъ зятемъ въ семью, гдѣ онъ чувствуетъ себя пришлымъ и зависимымъ. Работать женщинѣ приходится даже больше, чѣмъ мужчинѣ; вмѣстѣ съ мужемъ идетъ она на сѣнокосъ, жнитво, молотьбу, вязку сноповъ, иногда пашетъ и боронитъ; сѣвъ — единственная полевая работа, въ которой женщины не участвуютъ. Зимою встаетъ она много раньше мужа, уберетъ скотину, задастъ корму лошадямъ, затопитъ печь, чтобы пораньше накормить ребятишекъ. Весь день работая для семьи, только вечеромъ послѣ ужина садится она прясть кудель, чтобы заработать на свою собенну, на одежду мужу и дѣтямъ, и измученная прядетъ до поздней ночи. Надо еще прибавить, что здоровая крестьянка всякій годъ приноситъ ребенка; беременной работаетъ она до послѣдней минуты и производитъ на свѣтъ довольно легко; въ рѣдкихъ случаяхъ больная остается въ постели недѣлю; для нѣкоторыхъ болѣзнь длится нѣсколько моментовъ. Если роды застанутъ ее за работой во дворѣ, то она сама приноситъ въ домъ ребенка, обмоетъ его; затѣмъ затопитъ печь и принимается за стряпню къ крестинамъ, которыя назначаются въ тотъ-же день.

Въ крестные просятъ близкихъ и уважаемыхъ родственниковъ. Обязанность крестныхъ заключается въ матеріальной поддержкѣ крестника, въ подаркахъ ему по праздникамъ. Если крестникъ осиротѣетъ, то главное участіе въ его судьбѣ обязаны принимать крестные. Особеннымъ почетомъ пользуются крестные на свадьбахъ, назначаясь посаженными, благословляя образомъ, а крестная мать принимаетъ роль свахи. По отношенію къ мальчику, всѣ обязанности лежатъ на крестномъ отцѣ, которому крестникъ приходится духовнымъ сыномъ, тогда какъ крестная мать считается только свидѣтельницей при крещеніи. По отношенію къ дѣвочкѣ роли мѣняются, и крестная мать принимаетъ на себя обязательство.

Послѣ обряда въ церкви, крестная приноситъ ребенка матери

и дарятъ ему «на ризки». За тѣмъ слѣдуетъ угощеніе всѣхъ родныхъ, приглашенныхъ „на кашу“. Обычай звать на кашу объясняется тѣмъ, что послѣ угощенія, подаютъ пшенную кашу, подносятъ ее крестнымъ со словами: „выкупите крестненькій, а потомъ и кушайте“. Деньги, которые дарятъ на кашу, какъ крестные, такъ и всѣ гости, идутъ въ пользу родительницы.Есть обычай, что отцу новорожденнаго крестная подаетъ съѣсть ложку каши, предварительно всыпавъ въ нее горсть соли, чтобы онъ отвѣдалъ, какъ солоно пришлось его женѣ. Или же беруть небольшой круглый каравай, съ обѣихъ сторонъ отрѣзываютъ по горбушкѣ, такъ что въ серединѣ остается толстый ломоть. Горбушки разрѣзаютъ на кусочки и раздаютъ всѣмъ гостямъ, а середину, посоливъ, даютъ съѣсть родившей; этимъ обычаемъ, вѣроятно, хотятъ показать, что всѣ гости принимаютъ участіе въ ея страданіяхъ. Къ врачебной помощи не любятъ обращаться, да почти не имѣютъ возможности за отдаленностью земскихъ больницъ. Въ трудныхъ случаяхъ призываютъ деревенскихъ повитухъ, опытныхъ старухъ, которыя своею неумѣлой помощью только увеличиваютъ страданія больной и иногда вызываютъ печальный исходъ. Новорожденнаго ребенка не купаютъ въ корытѣ, а кладутъ въ пеленкѣ на шестокъ, обмоютъ мыломъ или щелокомъ и попарятъ вѣникомъ. Щелокъ употребляется, какъ для мытья въ банѣ, такъ и для стирки, вслѣдствіе дороговизны мыла, которымъ пользуется рѣдкій крестьянинъ.

Бездѣтнымъ людямъ подбрасываютъ незаконнорожденныхъ дѣтей, что́ случается довольно часто, благодаря распространенной безнравственности въ семейныхъ отношеніяхъ и въ нравахъ молодежи. Принять подкидыша считается дѣломъ добрымъ для спасенія души, „для душеньки“, точно также какъ взять пріемыша, круглаго сироту послѣ родныхъ или знакомыхъ. Ихъ воспитываютъ, какъ родныхъ, усыновляютъ, и они дѣлаются наслѣдниками имущества, наравнѣ съ родными дѣтьми. Если изъ взятаго на воспитаніе вырабатывается хорошій работникъ, а въ семьѣ есть дочери и нѣтъ сыновей, то его принимаютъ зятемъ. Положеніе подкидышей и пріемышей, особенно въ бездѣтныхъ семьяхъ, много лучше горькой доли тѣхъ сиротъ, которые попадаютъ въ руки мачехѣ, такъ какъ добрая и человѣчная мачеха — явленіе рѣдкое въ крестьянскомъ быту.

По способамъ выхаживанія дѣтей и лѣченія ихъ, неудивительно, что въ семьѣ изъ рожденныхъ 9 — 8 человѣкъ въ живыхъ остаются 2—рѣдко 4. За совѣтами по лѣченію дѣтей прибѣгаютъ къ старухамъ, бабушкамъ, какъ болѣе опытнымъ; кромѣ того, существуютъ общераспространенные способы лѣченія; нѣкоторые изъ нихъ я привожу.

Если у новорожденнаго ребенка дѣлается худосочіе, такъ называемая собачья старость, то его „перепекаютъ въ печи". Ребенка сажаютъ на хлѣбную лопату и суютъ въ горячую печь, какъ только изъ нея вынутъ хлѣбы. Одна женщина съ улицы спрашиваетъ въ окно, ту которая держитъ лопату: „Что перепекаешь?"—„Собачью старость".—„Перепекай лучше, чтобы ея не было!" Разговоръ повторяется три раза, и три раза сажаютъ ребенка въ печь. Случается, что съ лопаты ребенокъ сваливается и получаетъ обжоги, или-же задыхается отъ жара.

Другой способъ лѣченія собачьей старости состоитъ въ томъ, что въ теплую печь влѣзаетъ бабушка, кладетъ себѣ на колѣни рядомъ ребенка и кутенка (щенка) и начинаетъ ихъ поперемѣнно парить вѣникомъ.

Купаютъ отъ этой-же болѣзни ребенка съ кошкою, чтобы болѣзнь перешла на животное.

Лѣчатъ собачью старость еще слѣдующимъ способомъ: три дня подрядъ дѣлаютъ по девяти пельменей, начиняютъ ихъ землей, затѣмъ варятъ въ водѣ; пельмени отдаютъ собакамъ, а въ отварѣ купаютъ ребенка.

Если у новорожденнаго являются судорожныя движенія, напр., отъ разстройства желудка; то заключаютъ, что у него въ спинѣ щетина, которая его раздражаетъ, и ее необходимо выщипать. Съ этой цѣлью подбиваютъ дрожжи пшеничными отрубями; старуха влѣзаетъ въ печь съ ребенкомъ, вымажетъ его всего тѣстомъ, прикроетъ ветошкою, попаритъ вѣникомъ и начнетъ растирать спину и выщипывать волосы.

Взрослыхъ лѣчатъ также своеобразными способами „Кумоха окидала", т. е. обметала лихорадка: слѣдуетъ больное мѣсто помочить потомъ съ оконнаго стекла или обтереть обломкомъ копыта, найденнымъ на дорогѣ. Если найдутъ на улицѣ свиную челюсть, то ее берутъ и прикладываютъ въ случаѣ заушницы или нарыва за ухомъ; эти болѣзни лѣчатся также прикладываніемъ

заячьей шкурки. Заболитъ горло, — идутъ къ старухѣ знахаркѣ; она съ таинственною молитвой очерчиваетъ три раза сучекъ на стѣнѣ и тѣмъ заговариваетъ болѣзнь.

Боль въ поясницѣ зовутъ „утѝной“ и лѣчатъ ее такъ: больной ложится поперекъ переруба (мѣсто на полу *, гдѣ соединяются концами доски) или поперекъ порога. Старуха кладетъ больному на спину вѣникъ и начинаетъ слегка рубить топоромъ. „Что рубишь?“ спрашиваетъ больной.—„Утину“.—„Руби гораздо, чтобъ больше не было“.

Серьезныя болѣзни не поддаются подобнымъ способамъ лѣченія, и появленіе ихъ связано съ суевѣрными представленіями. Когда вихрь крутитъ и подымаетъ столбъ пыли, —говорятъ, что нечистый играетъ. Если человѣкъ попадетъ въ вихрь, то его разбиваетъ параличемъ. Чтобы отдалить отъ себя бѣду, слѣдуетъ говорить: „на воду, на воду, на воду!“ и нечистый пролетитъ мимо и разобьется въ водѣ.

Существуютъ способы предохранять отъ эпидимическихъ болѣзней; наприм., обычай опахивать село отъ чумы. Исполняется онъ слѣдующимъ образомъ. Въ соху впрягаютъ старуху, вдову или дѣвушку, извѣстную своей хорошей жизнью; другая старуха правитъ сохою; ихъ сопровождаютъ нѣсколько дѣвушекъ съ распущенными волосами, изъ которыхъ двѣ помогаютъ тащить соху, ухватившись по бокамъ; въ рукахъ несутъ онѣ восковыя зажженныя свѣчи. Шествіе собирается тайно ночью, когда всѣ уснули, и съ пѣніемъ молитвъ обходитъ вокругъ села, пропахивая не глубокую борозду; на перекресткахъ останавливаются и зарываютъ въ землю росной ладанъ.

Есть болѣзни, которыя излѣчиваются заговорами, напримѣръ, „прѝтка“. Приткою называется заболѣваніе или опухоль, явившаяся вслѣдствіе ушиба. „Тебѣ припритчилось“, т. е. разболѣлось отъ ушиба, скажетъ старуха и начнетъ заговаривать на молоко или воду слѣдующее: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Мѣстечко, прости Христа ради! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Матушка сыра земля, прости Христа ради! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Мѣ-

*) Почти во всѣхъ избахъ полы деревянные; глиняныя мазанки преобладаютъ въ хохлацкихъ переселенческихъ деревняхъ.

стечко прости меня Христа ради!“ Трижды повторяя заговоръ, всякій разъ она дѣлаетъ надъ молокомъ крестное знаменіе и даетъ пить больному.

Для скотины отъ притки заговариваютъ на воду или на соль, которую даютъ съѣсть животному. Заговоръ для скотины отъ притки слѣдующій:

Шелъ Христосъ къ рѣкѣ, къ Іорданѣ,
Тростью ногу накололъ,
Пруды, ключи заговаривалъ.
Матушкѣ Пресвятой Богородицѣ подавала,
За престольный столъ клала,
Кленной (бѣлой) розой покрывала.
Ты земля крѣпись!
Святой узелъ завяжись, завяжись!
Господи Іисусе Христе помилуй насъ.
Во имя Отца и Сына и Св. Духа.
Аминь.

Перекрестивъ соль или воду, даютъ животному. Заговоры существуютъ отъ многихъ болѣзней, хранятся въ большой тайнѣ тѣми, кому они извѣстны, и передаются въ виду большого расположенія и довѣрія отъ старшаго младшему. Въ противномъ случаѣ они теряютъ силу. Большинство заговоровъ извѣстно профессіональнымъ знахарямъ и знахаркамъ, которые лѣчатъ также всякими травами. Ворожеи не только заговариваютъ болѣзни, но при помощи нечистой силы умѣютъ привораживать сердца, наводить порчу и предвидѣть будущее. Къ ворожеямъ относятся съ суевѣрнымъ страхомъ, но еще болѣе боятся колдуновъ. Во всякомъ селѣ найдется свой колдунъ. Случайное совпаденіе обстоятельствъ, которое крестьяне не могутъ объяснить себѣ, вызываетъ подозрѣніе въ колдовствѣ. Колдуна всѣ боятся, такъ какъ онъ злой человѣкъ, водится съ нечистымъ и можетъ навести порчу и разореніе, потому стараются жить съ нимъ въ ладахъ. На свадьбахъ ему выказываютъ особый почетъ изъ боязни, чтобы не испортилъ молодыхъ. Обыкновенно славою колдуна пользуется хитрый и умный мужикъ, извлекающій изъ своего положенія извѣстную выгоду и эксплоатирующій своихъ односельчанъ, которые боятся расправиться съ нимъ, утѣшая себя тѣмъ, что ему предстоитъ трудный отвѣтъ передъ Богомъ. Отсюда примѣта, что колдунъ долго, иногда нѣсколько дней мучится въ предсмертныхъ страданіяхъ, и, чтобы помочь его душѣ разстаться съ тѣломъ, приподнимаютъ конекъ на крышѣ, или передній уголъ, послѣ чего тотчасъ же наступаетъ смерть.

Увѣренность, что колдунъ и послѣ смерти можетъ мстить и причинять зло, вызвала обычай прибивать колдуна—покойника къ землѣ осиновымъ коломъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ крестьяне бываютъ выведены изъ терпѣнія дерзостью колдуна и учиняютъ надъ нимъ самосудъ, кончающійся для него смертью или увѣчьемъ. Привожу одинъ такой случай, происшедшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ большомъ, богатомъ селѣ Дмитровкѣ завелся колдунъ; на пирушкѣ поссорился онъ съ своимъ сосѣдомъ, который жилъ хорошо, имѣлъ большой домъ, много скотины, 15 лошадей. «Попомнишь ты меня!» пригрозился ему колдунъ, и вскорѣ дѣлается у этого крестьянина пожаръ, сгораетъ домъ и часть скотины; онъ снова строится. Вдругъ наступаетъ падежъ на его лошадей. Мужикъ совсѣмъ разоряется. А колдунъ все грозится. «То-ли еще будетъ; не долго проживешь подъ новою крышей!» Тогда мужикъ созываетъ народъ, разсказываетъ подробно объ угрозахъ колдуна и ихъ послѣдствіяхъ и требуетъ, чтобы общество вступилось на его защиту. Вызываютъ колдуна. Онъ пробуетъ застращать всѣхъ своею таинственною властью, но только озлобляетъ мужиковъ, такъ что тѣ принимаются бить его, требуя признанія. Перструсивъ передъ разсвирѣпѣвшей толпою, онъ кается, что взялъ хлѣбъ, вынулъ изъ него середину и съ наговоромъ зарылъ подъ крыльцомъ у своего врага; если хлѣбъ выроютъ, то и несчастіе прекратится. При поискахъ дѣйствительно нашли хлѣбъ, но колдуна такъ избили, что онъ едва живъ остался и съ той поры присмирѣлъ. Разоренный имъ сосѣдъ поправился и зажилъ по-прежнему.

Самосудъ крестьянскій очень жестокъ, такъ какъ озлобленная толпа дѣйствуетъ уже безсознательно, вся отдаваясь только чувству мести и злобы. Къ самосуду крестьяне прибѣгаютъ только, когда выведены изъ терпѣнія, чаще всего для расправы съ конокрадами и ворами. «Ни чѣмъ вора не уймешь, коль до смерти не убьешь», говоритъ пословица; вора или убиваютъ, или избиваютъ такъ, что онъ недолго поживетъ послѣ побоевъ. Убитаго самосудомъ общество крестьянское тайкомъ хоронитъ, затѣмъ зачисляетъ въ безъ вѣсти пропавшіе, и судебная власть рѣдко и всегда безуспѣшно принимается за разслѣдованіе. Вообще слѣдствіе оканчивается неудачей въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло со всей общиной и съ суевѣріями. Характернымъ примѣромъ служитъ внезапная смерть отъ опоя виномъ. Слѣдователь, пріѣзжая

на вскрытіе трупа опойцы перѣдко находитъ пустой гробъ; покойникъ же исчезаетъ безслѣдно. Объясняется это слѣдующимъ образомъ. Существуетъ повѣріе, что и по смерти опойцу мучитъ нестерпимая жажда, вслѣдствіе чего онъ выпиваетъ всю влагу изъ почвы въ той мѣстности, гдѣ его похоронили, и воду изъ облаковъ, что влечетъ за собою засуху и неурожай. Потому, если опойца умретъ въ чужомъ селѣ, то крестьяне не даютъ хоронить его у себя, требуя его отправленія на родину; здѣсь уже является сопротивленіе начальству, иногда очень сильное.

Когда наступаетъ засуха и не задолго былъ похороненъ на общемъ кладбищѣ опойца, то его считаютъ причиною бездождія, и все общество, со старостою и другими властями во главѣ, тайкомъ ночью вырываютъ гробъ, вынимаютъ покойника и бросаютъ въ прудъ, въ воду, или же зарываютъ въ сосѣднемъ владѣніи, а въ спину вбиваютъ ему осиновый колъ, чтобы не ушелъ.

Обыкновенный похоронный обрядъ не представляетъ никакихъ особенностей. Въ нарядѣ трауръ также ничѣмъ не обозначается. Съ кладбища возвращаются въ домъ на поминовеніе и горячій столъ, устраиваемый преимущественно для бѣдныхъ старухъ, стариковъ и дѣтей до десятилѣтняго возраста. Кромѣ того, приглашаются на поминальный столъ мужчины, которые несли гробъ, и самые близкіе родные. Для всѣхъ другихъ ходить на поминки считается предосудительнымъ. Кормленіе старыхъ и малыхъ равносильно угощенію нищихъ и убогихъ на поминъ души. Непремѣнное кушанье—блины съ медомъ, или медовой сытою; ими начинается и заканчивается обѣдъ. Поминальные обѣды дѣлаются по обыкновенію на 3, 9, 20, и 40-й дни. Дѣвушку или дѣвочку несутъ въ церковь пять дѣвушекъ съ распущенными волосами; имъ дарятъ по платку и по лентѣ на голову. Изъ причитаній общераспространенное по матери слѣдующее:

Родима матушка, какъ станемъ безъ тебя жить!?
И холодны, и голодны, и наги, и босы.
Напримаемся, родима матушка, всего горюшка многохонько!
Никто-то насъ не пожалѣетъ безъ тебя жальнёхонько.
Нѣтъ того ретиваго сердечка,—желаннаго,
Что было у родимой у матушки!
Не давала ты надъ нами, родима матушка, вѣтерочку-то вянуть,
Не давала людямъ насъ въ обидушку.-
Безъ тебя то за насъ никто не заступитъ.
Никто словечка не молвитъ!
Только мы станемъ куковать горькой кукушечкой.

Характернымъ способомъ поминовенія души служитъ «потаенная милостынька». Она раздается бѣднымъ бобылкамъ, также старикамъ въ теченіе 40 ночей, по три милостыньки въ каждую, и состоитъ изъ маленькаго пшеничнаго или полбеннаго хлѣбца, въ родѣ просфоры, и восковой свѣчки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ заказываютъ келейницамъ читать 40 дней псалтырь по покойникѣ.

«Келейницы» —особый видъ деревенской монахини, черницы. Чувствуя религіозное влеченіе, дѣвушка, иногда еще молодая, отказывается выходить замужъ и выпрашиваетъ у отца разрѣшеніе отдѣлить ей горенку отъ семьи и посвятить себя служенію Богу. Это желаніе рѣдко вызываетъ сопротивленіе у родныхъ; ей строятъ во дворѣ комнатку, куда она уходитъ послѣ всѣхъ домашнихъ работъ, и въ то время, какъ ея подруги гуляютъ на улицѣ, она занимается чтеніемъ молитвъ и псалмовъ и церковнымъ пѣніемъ. Продолжая работать на семью, съ годами она пріобрѣтаетъ большое уваженіе и независимость, зарабатываетъ также на сторонѣ поминаніями. Иногда 3—4 келейницы соединяются и устраиваютъ общежитіе. Духовенство смотритъ на нихъ съ недоброжелательствомъ, такъ какъ онѣ отнимаютъ часть доходовъ поминаніемъ.

Во всѣхъ обрядахъ и суевѣріяхъ христіанскія и языческія вѣрованія тѣсно связаны между собою. Къ главному источнику существованія крестьянъ — хлѣбопашеству относится также немало примѣтъ и суевѣрій; нѣкоторыя изъ нихъ я привожу.

Наканунѣ сѣва вечеромъ хозяинъ запирался въ своей избѣ, зажигалъ восковую свѣчу и клалъ передъ образами горсть зеренъ изъ предназначенныхъ для сѣва; затѣмъ начиналъ усердно молиться о ниспосланіи удачнаго сѣва и урожая. Предварительно въ избѣ затыкались всѣ щелки, всѣ отверстія, трубы въ печи съ тою цѣлью, чтобы нисшедшая отъ молитвы на зерна благодать Божія не могла уйти изъ избы. Этотъ обычай уже исчезъ. Другой состоялъ въ томъ, что при началѣ сѣва отецъ и сынъ выходили съ противоположныхъ межъ. Отмѣтивъ на пашнѣ середину, они начинали сходиться, «брыкая», т. е. бросая сѣмена. Если къ серединѣ первымъ приходилъ отецъ, то удачнымъ предсказывался ранній сѣвъ, а если сынъ, то поздній.

Находятъ при жнитвѣ спорынью, т. е. два колоса на одномъ стеблѣ (отъ слова «спорый»), ее сохраняютъ до будущаго сѣва,

такъ какъ зерна изъ спорыньи приносятъ урожай. Или же зашиваютъ спорынью въ ладанку и надѣваютъ на крестъ, когда идутъ сѣять.

Остается въ полѣ обсѣвокъ—примѣта дурная: въ домѣ будетъ покойникъ-хозяинъ. Подшутилъ обсѣвкомъ полевой—злой духъ, оборачивающійся въ звѣрка; онъ же портитъ человѣка, если тотъ ляжетъ спать на межѣ; заводитъ скотину въ полѣ, если она пущена безъ молитвы.

При окончаніи жатвы оставляютъ пучекъ колосьевъ, который завязываютъ узломъ, приговаривая: «вотъ тебѣ, истинный Христосъ, на бородку». Называется это—оставлять истинному Христу на бородку для будущаго урожая.

Многіе изъ обычаевъ и примѣтъ уже исчезли, остальные теряютъ съ каждымъ годомъ приверженцевъ; грамота развиваетъ въ новомъ поколѣніи иные понятія и взгляды. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ остатки народной самобытной поэзіи, замѣняясь городскими и солдатскими пѣснями и даже передѣланными, исковерканными романсами.

Евгенія Всеволожская.

1894 г., 18 сентября.

Изданія Этнографическаго Отдѣла.

А) «Труды Этнографическаго Отдѣла».

		Р. К.
Т. IV.	Статьи *П. В. Шейна, Е. В. Барсова, В. Ѳ. Миллера, Ф. Д. Нефедова* и др. Сѣверный край, Бѣлоруссія, Поволожье и др. (Вѣрованія, обряды, семейные обычаи, обычное право, путевыя наблюденія)	2 —
Т. V.	*П. С. Ефименко*: Матеріалы по описанію русскаго населенія Архангельской губ.	
	Вып. 1. Внѣшняя обстановка, пища, одежда, нравы, вѣрованія, обряды, врачеваніе; расколъ	2 50
	Вып. 2. Народное творчество (былины и пр.), языкъ	3 50
Т. VI.	*Ѳ. Я. Трейландъ*: Матеріалы по описанію латышскаго племени. (Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и пр.; тексты съ русскимъ переводомъ)	3 50
Т. VII.	Статьи *Е. Н. Якушкина, А. С. Пругавина, Д. И. Иловайскаго, Нила Попова, В. Ѳ. Миллера, Ѳ. Е. Корша, Д. Н. Анучина, Д. Я. Самоквасова, Н. М. Ядринцева, Макс. М. Ковалевскаго, В. М. Михайловскаго, Н. А. Янчука* и др. (Споры о народности гунновъ, обычное право, сектантство, кавказскія легенды и вѣрованія, свадьба у сѣдлецкихъ малоруссовъ, гиляки, черневые татары и пр.)	2 —
Т. VIII.	Статьи *В. Ѳ. Миллера, М. М. Ковалевскаго, Е. А. Покровскаго, Н. Л. Гондатти.* Некр. гр. Уварова, Костомарова, Дювернуа; юридическ. бытъ кавказскихъ инородцевъ; вѣрованія остяковъ; народн. игры. Прилож.: *Программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи—Н. А. Янчука, по обычному праву—М. Н. Харузина*	2 —
Т. IX.	Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія. Вып. I. Статьи *В. Ѳ. Миллера, Н. Н. Харузина, П. М. Богаевскаго, Н. А. Янчука, В. В. Кандинскаго* и др. (Юридическій бытъ, семейные обычаи, народн. космогонія, музыка; очерки Бѣлоруссіи, Олонецкой, Вятск., Тамб., Казан. губ. и др.).	2 —
Т. X.	*Н. Н. Харузинъ*: Русскіе лопари. (Очерки прошлаго и современнаго быта). Съ рис. и картой	3 50
Т. XI.	Сборникъ свѣдѣній для изуч. быта крестьянскаго населенія. Вып. II. *Н. А. Иваницкій*: Вологодской край. *Ю. Н. Мельгуновъ* и *М. Куклинъ*. Вологодскія пѣсни (съ нотами)	2 —
	Вып. III. *В. П. Тихоновъ*: Матеріалы для изуч. обычнаго права крестьянъ Вятской губ. *В. П. Племянниковъ*: Указатель къ „Трудамъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ" (рѣшенія вол. судовъ)	2 —
Т. XII.	*В. М. Михайловскій*: Шаманство. (Сравнительно-этнографическіе очерки)	1 50
Т. XIII.	*И. А. Житецкій*: Астраханскіе калмыки. Съ рис	1 25

Б) «Алтайскіе инородцы».

Статьи и изслѣдованія *В. И. Вербицкаго* . . . . . 2 —

В) «Русскія былины старой и новой записи».

Новый сборникъ, подъ ред. *Н. С. Тихонравова* и *В. Ѳ. Миллера* 2 50

Г) «Этнографическое Обозрѣніе».

За 1890—94 гг. по 5 р. за годъ.

Оставшуюся въ небольшомъ количествѣ брошюру **Евг. Ляцкаго: „Олонецкій сказитель Ив. Троф. Рябининъ и его былины"**, съ портретомъ сказителя, его напѣвами и текстами былинъ и стиховъ, можно получать черезъ редакцію „Этногр. Обозрѣнія". Ц. 40 к. съ перес. (Москва, Политехническій Музей).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ

1895 г. **ОБОЗРѢНІЕ,** **Годъ 7-й.**

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,

подъ ред. Секретаря Отдѣла ***Н. А. Янчука,***

при участіи гг. членовъ Общества и другихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ.

Изданіе выходитъ 4-мя книжками въ годъ (12 листовъ каждая) и посвящено всестороннему изученію быта народностей Россіи, при чемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій служатъ слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды.
2. Народная словесность, языкъ.
3. Народная музыка, живопись и другія искусства.
4. Народная медицина.
5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.
6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.
7. Историческая и доисторическая этнографія.
8. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, помѣщаются также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе, какъ по русской, такъ и по общей этнографіи.

Въ отдѣлѣ СМѢСИ сообщаются мелкіе, случайные матеріалы и наблюденія.

Обширный БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ изданія заключаетъ въ себѣ:

1. Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, поскольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.

2. Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ журналовъ и газетъ съ указаніемъ, находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3) Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Наконецъ, въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также приложенія: портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ, жилищъ, типы народностей и т.п.

Условія подписки: 5 р. за годъ, съ перес.

Адресъ редакціи: **Москва, Политехническій Музей.**

☞ Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народ. Просвѣщенія „Этнографическое Обозрѣніе“ **рекомендовано** для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ средн. учебн. заведеній (см. Журн. Мин. Н. Пр. 1892, іюнь).

1 ДЕК 1895

2007042232